

Наш современник

Я познакомился с Маяковским в 1922 году. Мне было 18 лет. Ему — 29. Я к тому времени ничего еще не написал. Он же — автор многих сборников и «детского дождя брошюр». Одной из них я владел с тех пор, когда работал в Можайске секретарем уездного комитета комсомола. Это — «Облако в штанах», которое я читал не очень успешно на литературных вечерах. Слушателям, как и мне самому, в «Облаке» не все было тогда понятно. Но фраза «в терновом венце революций граде шестнадцатый год» шла на аплодисменты.

В 20-м году мне приходилось выступать в красноармейской аудитории на станции Можайск, где формировались и по несколько дней стояли воинские эшелоны, ожидая отправления на Западный фронт. Я нередко читал стихи Маяковского. Слушатели не стеснялись спрашивать:

— Отчего непонятны эти стихи?

Меня поразил ответ на этот вопрос подруга части:

— Может, мы еще не выросли, чтобы понимать их...

Существует снимок, сделанный летом 1929 года в красноармейском лагере под Москвой. На нем Маяковский, Джек Алтаузен, Семен Кирсанов и я со своим пятилетним в то время сыном.

Дело было так: утром солнечного июля у меня зазвонил большой настенный телефон:

— Это номер 5-84-30?

— Правильно, — отвечаю я.

— Говорит Маяковский. Дайте свой адрес, я через час заеду за вами. Поедем за город, на Ходынский поле в летний лагерь красноармейской части. На автомобиле поедем.

— Благодарю вас, дорогой Владимир Владимирович, но такая досада: сегодня воскресенье, и вся моя семья раненко уехала на дачу к родственникам. Оставили меня одного с ребенком...

— Сколько лет ребенку?

— Пять.

— Берем его с собой. Собирайтесь!..

Поэты, приехавшие раньше нас, разбрелись по лагерю. Мы пошли по основной аллее к клубу. Зашли в одну, потом в другую палатку. Маяковский здоровался с отъехавшими красноармейцами, интересовался их бытом, поднимал одеяла, открывал аккуратные ящики тумбочек у кроватей. Кто-то удивился:

— Вот странно, поэт и вдруг прозой нашей жизни заинтересовался...

— Учитесь, товарищи: проза нашей жизни выше поэзии. А проза вашего воинского быта дело особенно важное.

Расспрашивал бойцов Маяковский, какие им кинокартины нравятся, какие книги читают.

Маяковского у нас во взводе только двое читают, — просто душою выпалил молодой лейтенант красноречивый.

Маяковский положил ему руку на плечо:

— Если в каждом взводе у меня два активных читателя, то на сегодня мне надо быть довольным. Но я постараюсь, в дальнейшем работать так, чтобы в каждом взводе меня читали все.

Владимир Владимирович, обратился к поэту полторук, — а про вас говорили, будто вы резкий, задиристый.

— Я с противником задиристый. А тут все свои, — ответил Маяковский.

Чтение стихов Маяковский начал с поэмы «Владимир Ильич Ленин», посвященной Российской Коммунистической партии. Слова посвящения вызвали бурное одобрение.

Завершил он встречу чтением большого отрывка из поэмы «Хорошо!». Читал, радуясь, что его слушают с затанцованным дыханием. Молодежь, воспевавшая героическое прошлое октябрьской «земли молодости», Ликовал сердцем, устремленным в будущее.

Громовым голосом прервал Маяковский восторженный гул аудитории:

— Товарищи! Кому из вас было что-нибудь непонятно?

— Всем понятно! Все понятно! Спа-си-бо!

Неистовым оптимизмом поэзия Владимира Маяковского. Безотказно действует сегодня нежная, веющая оружием его творчества против закоренелых врагов социализма. Трудно переоценить значение его сатиры в нынешней агитации и пропаганде, в борьбе с косностью и расхлябанностью, тушеванием, мешаниной, взяточничеством, нарушением дисциплины, законности. Маяковский — в наступлении против похмелья на пути победного движения вперед народа-созидателя.

«День поэзии» («Советский писатель»).

Поэт революции. Владимир Владимирович Маяковский. Нынешний, юбилейный год особенный. Впервые в дни июльских торжеств состоится Всесоюзный праздник поэзии Маяковского. Давно ведется подготовка к этому событию. В издательствах завершается работа над юбилейными книгами. Мы обратились в два из них — «Советский писатель» и «Наука», и в Центральный государственный архив литературы и искусства. Нас привлек поиск издателями, литераторами и архивистами новых документов, раскрывающих образ выдающегося поэта советской эпохи. Наиболее интересные относятся к творчеству раннего Маяковского — малоизвестным и малоизученным страницам его пламенного служения революционному делу. О них рассказываем публикуемые нами материалы.



Валентин Осипов

ВЫШЛИ В СВЕТ

Миллионным тиражом

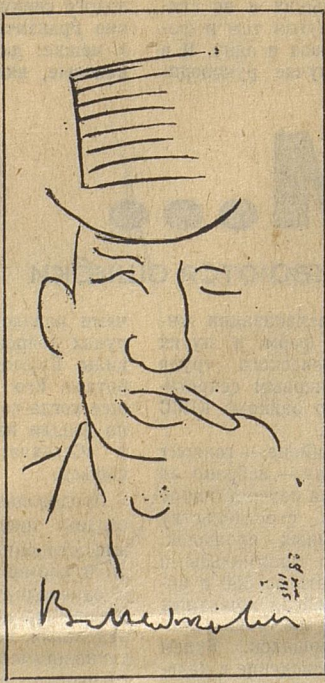
19 июля 1983 г. в нашей стране и за рубежом широко будет отмечаться 90-летие со дня рождения великого поэта революции, «агитатора, горлана-главаря» Владимира Маяковского. Состоится литературные конференции, поэтические встречи и вечера, где будут звучать его произведения, которые вопреки «пророчествам» не только не забыты, но и продолжают оставаться востребованными и в наше время. В 1955-1961 годах был осуществлен выпуск Полного собрания сочинений поэта в 13 томах. В последующие годы его произведения издавались в различных сериях, библиотках, отдельными изданиями — в известных «Библиотеке всемирной литературы», «Народной библиотеке», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта».

В 1955-1961 годах был осуществлен выпуск Полного собрания сочинений поэта в 13 томах. В последующие годы его произведения издавались в различных сериях, библиотках, отдельными изданиями — в известных «Библиотеке всемирной литературы», «Народной библиотеке», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта».

В 1955-1961 годах был осуществлен выпуск Полного собрания сочинений поэта в 13 томах. В последующие годы его произведения издавались в различных сериях, библиотках, отдельными изданиями — в известных «Библиотеке всемирной литературы», «Народной библиотеке», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта».

В 1955-1961 годах был осуществлен выпуск Полного собрания сочинений поэта в 13 томах. В последующие годы его произведения издавались в различных сериях, библиотках, отдельными изданиями — в известных «Библиотеке всемирной литературы», «Народной библиотеке», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта», «Библиотеке поэта».

Вадим Баян



Молодость Маяковского!

Поклонение революционной эпохи не видело стопроцентной физической яркости Маяковского, когда вдохновенная речь его была похожа на бурный водопад, когда голос его гулея как нерихотная труба, а глаза смотрели в века. Такая выразительная яркость свойственна только абсолютной и неповторимой молодости. С наступлением «среднего возраста», который у Маяковского совпал с эпохой революции — когда поэт от «цветения» перешел к «зрелости», — несмотря на пышный расцвет его духовной мощи, несомненно, на длинную галерею созданных им ярких революционных полотен, Маяковский физически все же был не так упруг, как в первые годы своего литературного бытия...

Вадим Баян

Вадим Баян

Вадим Баян

Революция сделала Маяковского

К ДО СИХ ПОР обычно представляли Маяковского?

Его представляли как лопатой разрубленного червяка, две половинки. До революции он был такой, эдакий, мелкобуржуазный, до революции был плохой, лука, футурист, желтая кофта, «свергнуть Пушкина с парохода современности». Все грехи, «детские болезни левизны» приписывали ему. После Октября, или, вернее, после вступления в РАПП Маяковский делается пашинкой и настоящим пролетарским поэтом. Что это неверно — это ясно. После вступления в РАПП Маяковский, к сожалению, не написал ничего. Таким образом, получается извращенное представление о творчестве и биографии Маяковского.

Я беру цельную фигуру дореволюционных лет, объясняю те недомолвки, которые у читателя бывают по поводу всех тех искажений фигуры Маяковского — желтая кофта, этот его тогдашний эпаж буржуазный, который на самом деле был обдуманным единственным путем.

Конечно, Октябрьская революция развернула для Маяковского возможности необычайные, конечно, сделала Маяковского тем, которого мы любим и знаем, которого знает Советская страна, который заслужил признание... как лучший и талантливейший поэт нашей эпохи. Но все это не с неба свалилось, не явилось неожиданным поворотом поэта в сторону революции, а было органически подготовлено всей судьбой всей биографией. И только возможности открылись. Не будь первоначальной подготовки, не будь такой биографии и тех задач и целей, которые он давно заметил, — не было бы Маяковского и после Октября.

И мне хочется рассказать об этой биографии, которая является биографией не только Маяковского, но биографией поколения, и потому фигура Маяковского важна как лучший образец поколения, как типичный случай, на котором можно показать всю судьбу его.

Я много раз говорил, что надо рассказать о тех условиях действительной биографии, рассказать, как жил человек в Москве, пришедшему из других условий своего существования, человеку, который родился в Грузии около Кутаиса, те первоначальные впечатления, действие которых сильно и надолго остается в человеке, вплоть до совершенного формирования его характера, и дальше до конца жизни накладывают свой отпечаток. Этот человек из гор, из лесов, из той природы, которая не похожа на среднерусскую природу, с той ревью, с теми фактически первыми сильными впечатлениями, которые он получил, попадает в другую среду. Его жесты, его поведение, вся сумма его восприятия иные, и люди начинают отталкиваться от него, начинается отстранение. Начинают говорить, что странный парень. Как в чужую деревню зашел бы человек не со своей уличью. Начинается такое, немножко холодное наблюдение, осторожное наблюдение за Маяковским, не подпуская его вплотную к себе... Это со стороны того дореволюционного общества, в которое он попал, в среду исключительно художников, литераторов, где впервые получил свой общественный опыт. Эти люди не так уж были виноваты.

Маяковский с широкими размахистыми жестами, к которым привыл в обстановке постоянного нахождения на воздухе, Маяковский с его громким голосом, который он не превеличивал и не желал, чтобы он казался более сильным голосом, привыл к тому, что горные реки шумят острее, звонче, чем наши медленные реки, и перекрывать этот горный поток нужно. И впервые услышанные звуки речи падают надолго, со всей фоникой, с этими р, ш, щ, эти горные буквы грузинской речи. Там гласные редко расставлены, там собраны горные, свистящие, шипящие, и у Маяковского остается эта любовь к твердому опрному звуку. У него нет этого аканья московцев или оканья горьковцев.

Это мелочь, но одна из мелочей, на которой строился образ Маяковского. Его остроумие, его добродушие, его огромный юмор, его личностный смехотворчество. Его юмор, его остроумие, эти словечки, которые мы слышали за столом, когда происходило утешение гостей... эта его добродушная насмешливость, если не враг — высмеять так, но не обидеть, а если враг — то поразить на месте оружием смеха.

Вы знаете рассказы об остротах Маяковского. К сожалению, никто их не записывал. Сохранились частично в памяти у Касселя те замечательные острооты, которые сразу кляли человека, противоречившего Маяковскому, и перед аудиторией ставили в смешное положение, потому что его отношение к Маяковскому было несправедливо...

Его великодушнее! Я рассказываю случаи, когда я был в 26-м году болен и Маяковский ходил по моему делу в Газетный, продавал книжку. Он ходил ровно 21 раз! И никогда при жизни он не рассказывал об этом. Странно, что человек, который хлопотал за

товарища, не рассказал об этом. Естественно было рассказать, когда товарищ выбрался из беды, выздоровел, что вот, знаешь, потрепал я подошвы... Никогда не сказал. Только после смерти нашли записку, где были записаны хождения по моему делу: «Ходил 20-го — не застал, ходил по Колюмному делу, прокатил секретарши!» и т. д. Одним словом, 21 раз человек ходил, упрямо настаивал на том, чтобы отстоять мое дело. Самому мне было не до того, а лишь бы было возможно. И это великодушное и скрывное, которая не ищет немедленной компенсации, я ходил, ты же помни, что и ты за меня пойдешь. Он это сделал и считал необходимым сделать не потому, чтобы похвастаться своим великодушием. Это конспиративность в отношении своих хороших поступков и определяет очень большое качество Маяковского, которое не было правильно понято. Он не кратко говорил о себе и своем состоянии, не раскрывал рубашку, не каждому рассказывал, что на душе у него.

Первоначальный период его работы, дореволюционной работы, был зашпигован от большинства непонимающей, враждебно настроенной публики. Иногда у Маяковского прорывался крик, что это вовсе не то, что я говорю! Маяковский писал: «Хорошо, когда в желтую кофту». Желтая кофта, которую вали все собаки, вшивавшиеся в ноги Маяковского.

У Маяковского вовсе не было желания расшевелить буржуазию, не клоунада это была... Из-за этой желтой кофты бросал такие слова и метафоры, так звучала поэзия, о которой многие не хотели думать. Впервые Маяковский поднимал образ бастующего рабочего, о котором было просто рассказывать...

Или возьмите трагедию «Владимир Маяковский», когда неожиданно среди совершенно странных метафор и образов появляется — «Ищите жирных в дымах-скорлупах». Этот призыв продать уши, протереть глаза, высматривать виновных того состояния общества, против которого Маяковский задумал борьбу задолго до того, как призвал поэзию на революционный фронт. Вот это, конечно, было непонятно, недоуменно не только тогдашними критиками Маяковского, но и послереволюционными критиками. Мы знаем, что это считали желанием обратить на себя внимание. Маяковский считал человеком, который хулиганил ради того, чтобы привлечь к себе внимание и т. д., рекламистом... И Маяковский в 1914 году писал, что он принимает все эти эпипететы кретины, хулигана, микропелеса, рекламиста, невежды, антикультурного человека... Он писал, что хорошо, он согласен на все эти эпипететы, но теперь, когда вы все получили удовольствие от этого — прочтите мои стихи. Он принимал на себя все эти ругательные эпипететы и сам писал: «Вы, обеспокоенные мыслью одной». И горечь была в том, что они называли сутенером искусства, называли разбойником, круглым невеждой, наглым шутком — вот в чем была ведомственность, недоговоренность Маяковского с той аудиторией.

После революции остались люди, которые не любили Маяковского, остались люди, которые вообще не знали его. Говорили — знаем, скандалы устраивали, а что — пошел на работу Революции, что в РОСТА стал работать — так приспособлен. Начались такие шпильки, разговорчики. А так как люди были умные, враг, который понимал, что удавить из советской литературы Маяковского очень важно, то они напештывали дурчак, что Маяковский вообще мелкобуржуазный, что здесь не классовый заказ, а классовый, что не наш писатель, что был лакеем при буржуазии, стал лакеем при пролетариате. Эти шпильки подкапывали и распространяли, и это очень повлияло на душевное состояние Маяковского... (А среда. — Ред.) поставила на нем такой значок, который говорил: осторожно, не подходите, это человек не нашего круга, не нашего поля ягода, человек, который может быть опасен. Маяковский, вышвырнутый после первых диспутов, поехал, «афишами по стране распластанный», поехал в литературное турне. Он познакомился со страной, он увидел всю Россию... Вот эта тряска в вагоне... У него «еще» не было ощущения прочности связи со всей страной. Было впечатление от зал, людей, которые могли платить за место, в крайнем случае молодежь, которая платила полтинник. Это уже была сочувствующая аудитория. Это была первая наметка — кто за него и «с» кем он должен быть. Но после того, как он мотался по всем городам, ощущение личного доверия к себе он не чувствовал... Он все время не ощущал, что его любят за его самого. Он считал, что относится хорошо только за остроумие, только за то, что умел рассмешишь. Если бы он знал, как мы хранили Маяковского, если бы видел, как веренище выстроилось по всей Никитской, если бы видел рабочих, поднимавших детей над его гробом, он, конечно, не застрелился бы.

Публикация А. КРИКОВОЙ печатается с сокращениями. Полностью — в 93-м томе «Литературного наследства» («Наука»).

Счастливые дни юности

Вадим Баян

Вадим Баян

Вадим Баян

Вадим Баян

Вадим Баян

Вадим Баян

